

Архимандрит Лука (Головков): Не в каждом храме найдешь икону, на которую можно молиться

16.11.17

Иногда в храме не знаешь, куда деть глаза, и молитва не идет, иконы отвлекают – признается заведующий Иконописной школой при Московской духовной академии архимандрит Лука (Головков). Он рассказал «Правмиру», какие иконы ему кажутся неудачными и почему, а каким все же удастся помочь человеку хоть краем сознания почувствовать суть Горнего мира.

Девушки – только с высшим образованием

– Отец Лука, кого среди учеников Иконописной школы больше, юношей или девушек?

– У нас на каждом курсе две группы – женская и мужская. В женскую – конкурс больше. В этом году было шесть человек на место, в мужскую – два человека на место. Поступить в женскую группу, имея за плечами просто художественную школу – почти невозможно, в этом году, например, поступили лишь те, кто окончил художественное училище или институт. Причем к нам приезжают и выпускницы Петербургской академии им. Репина, и Московского академического института им. Сурикова. В этом году поступила девушка из киевской художественной академии, из вильнюсского художественного института...

У ребят ситуация другая. Во-первых, после художественных институтов ребята не поступают. Таких – буквально единицы. После художественных училищ – примерно половина. А остальные – те, кто окончил художественную школу.

– С чем это связано?

– Мужчина, если он окончил институт и хочет заниматься иконой, чаще всего просто присоединяется к какой-то бригаде, вливается в нее и заодно учится. Ему надо зарабатывать для семьи, труднее даже вновь настроиться на учебу.

Да и вообще в целом в храмах мужчин поменьше, их порой сложнее растормошить. Женщина эмоциональней и какие-то вещи переживает острее, быстрее.

А еще такой момент, что некоторые выпускники художественных учебных заведений

идут потом в семинарию. В этом смысле у девушек выбор в Церкви – либо петь, либо иконы писать. Сегодня еще есть возможность учиться на катехизатора.

– Насколько важна предыдущая художественная подготовка учащегося иконописной школы?

– Во-первых, светское художественное образование дает важнейшие навыки мастерства, культуру рисунка и живописи. Если человек научился всему этому в светской живописи, он сохранит это в иконе. Учиться иконописанию, не имея светского художественного образования, сложно, вот просто взять и сесть за икону!

Но, увы, нередко случается, что современная икона – диковатая по цвету, не согласована по композиции. С композицией вообще проблема, особенно если дело касается настенных росписей – иконописцу нужно почувствовать пространство храма. Делают иногда ошибки даже известные иконописцы. Допустим, образы евангелистов всегда значимые. А в какие-то храмы заходишь, а евангелисты – маленькие: художник не почувствовал основных акцентов, которые должны быть в росписи, когда надо или окружающее уменьшать, или евангелистов увеличивать.

Ну и в целом, чем выше у человека общая художественная культура, тем легче ему работать.

Важна и роль педагога, и общий учебный фон, традиции школы и опыт соучеников. Человек видит, как работают другие, и это ему тоже помогает расти. Поэтому нередко бывает, что человек, поступивший к нам только после художественной школы, вытягивается в интересного иконописца.

– Как складывалась Иконописная школа при МДА?

– Наша школа развивалась, в первую очередь, на основе иконописного опыта матушки Иулиании (Соколовой), которая в начале прошлого века училась у иконописцев, у реставраторов. Ее иконописный кружок можно назвать предшественником школы иконописи. Хотя тогда одной из основных задач у нее было образование духовенства: в семинариях не было никакого предмета, который бы изучал церковное искусство как таковое.

Матушка показывала глубину древнего иконописания, говорила, что язык древней иконы важен хотя бы потому, что человек в храме видит – здесь мир другой. Царствие Небесное – это не просто перешагнули рубеж смерти: за ним открывается мир духовный, преображенный. И икона об этом недвусмысленно говорит. Для матушки это было важно. Она сама писала по-разному. Иногда пробовала писать и что-то ранневизантийское, но ближе для нее все-таки было русское искусство XIV, XV, XVI веков. Причем она очень тонко чувствовала ансамбли. Допустим, ее иконостасы в трапезном храме Троице-Сергиевой лавры учитывают, что там лепнина XVIII века, живопись XIX, хотя, конечно, она писала никоим образом не в ключе XVIII–XIX веков.

Когда наша школа только появилась, в ней стали обучать ученики матушки Иулиании, ученики ее учеников.

Среди первых преподавателей – Наталья Евгеньевна Алдошина, ее внучатая племянница. Преподавала и Екатерина Сергеевна Чуракова.

Сегодня шесть выпускников школы стали и ее преподавателями иконописания.

Большое благо, что мы находимся в лавре. Сам монастырь, его уклад жизни, все это помогает воспитывать иконописцев. И то, что мы находимся в Московской духовной академии, ее преподаватели читают нашим ученикам церковные предметы, столь же значимо.

Матушка Иулиания глубоко изучала древнюю икону, что активно делаем и мы с учениками. Важно ведь не просто знать искусство какого-то конкретного исторического времени, а понять его, ведь там была большая найденность языка и художественных приемов. Если даже и пополнять опыт древних веков, вносить что-то новое, важно, чтобы это было на том же уровне культуры, понимания языка иконописи.

Иконописание сейчас развивается и в регионах. Интересные мастерские в Архангельске и Екатеринбурге...

Контроль за росписями

– Матушка Иулиания хотела, чтобы все духовенство знало историю, теорию иконописания. Сейчас это изучают в семинариях. Почему же нередко священник заказывает росписи непрофессионалам? Кто-то должен следить за качеством благоустройства храмов?

– Преподавание – это не панацея. Потому что, во-первых, преподаватель преподавателю рознь. А во-вторых, если преподали, это не значит, что все усвоено.

Если говорить о контроле за качеством, то сейчас пытаются его организовывать. По-хорошему должна быть общецерковная комиссия, которая разбирает принципиальные вещи и самые значимые ансамбли. В некоторых епархиях действуют епархиальные комиссии, которые рассматривают крупные проекты: росписи храмов, создание самого храма и ансамбли иконостасов. Понятно, что не каждую икону – это просто нереально. И в любом случае ответственность будет на священнике, заказчике. Кое-где есть специалисты, которые отвечают за сохранность исторических памятников и смотрят, чтобы в этих храмах-памятниках не появились такие росписи, например, которые их испортят.

Сейчас уточняются полномочия и задачи общецерковной комиссии. Но до конца эта система не выстроена.

И, конечно, важен не только проект-предложение, но и претенденты-иконописцы. Надо посмотреть и предыдущие работы художников, на каком уровне они выполняют, какое у них образование, уровень культуры, смогут они с этой задачей справиться или нет.

В комиссиях, где все это более-менее работает, всегда есть духовенство с художественным образованием, которое в состоянии дать адекватную оценку, как и музейные работники, работники сферы культуры.

В этом смысле можно ориентироваться на работу Издательского совета Русской Православной Церкви. Там книги просматриваются специалистами, и совет им присваивает гриф. Если, скажем, это проверенное издательство, как, например, издательство Московской духовной академии, гриф присваивается автоматически. Мне кажется, так и должно быть. Просто проверить: мастер хорошо работает, а потом уже почти не проверять.

Другое дело, если какая-то новая бригада появилась, новые мастера, может быть даже в смысле решения появилось нечто новое, может быть тогда надо посмотреть

повнимательней. Это не нужно все забюрокрачивать. Конечно, должна быть какая-то свобода и право на ошибку. Но от регулирования в разумных пределах стало бы только лучше.

– Сегодня чаще приходится слышать, что иконописцы пишут «в традиции XIV века, XV века» и так далее. А как же насчет того, чтобы создавать икону XX века, XXI?

– На самом деле как раз и получается икона своего времени. И, скажем, хорошо видно, что икона шестидесятых годов прошлого века, а не восьмидесятых. Неизбежно, когда человек, изучив и научившись, создает свое произведение.

Мы в школе даем задания на самостоятельное решение иконы, начиная с третьего курса.

Всегда было искусство своего времени. Другое дело, что уже в XVI веке есть обращенность к памяти древности и часто видно, что какая-то икона создана с оглядкой на какое-то предыдущее время.

Так происходит и сегодня – кто-то оглядывается на ранневизантийское, кто-то – на древнерусское искусство, а кто-то – на искусство XIX века или учитывает опыты начала XX века.

И сегодня создаются новые иконописные произведения. Вдохновение иконописцы ищут в древних образцах, а создают – что-то свое, новое – и в графике, и в рисунке, и в цветовом строе... Например, это можно сказать об иконах, написанных Александром Солдатовым.

А можно идти путем реконструкции предыдущих художественных решений. Например, росписи в храме Явления Божией Матери преподобному Сергию при детском доме слепоглухих в Сергиевом Посаде.

В регионах России иконописцы могут учитывать местную практику. Допустим, наш выпускник иконописец Самсон Марзоев. Во-первых, его осетинский темперамент виден в его работах, стоит хотя бы взглянуть на росписи крестильного храма в лавре. Там видно, где рука Солдатова, где рука Марзоева – его живопись пожестче, более кавказская. Когда он работает в Осетии, то создает произведения, учитывая еще и традиции своего края.

Новая иконография – с сомнениями и без

– А если говорить именно о новой иконографии, о том, что сделала матушка Иулиания, разработав вместе со святителем Афанасием иконографию иконы «Всех святых, в земле Российской просиявших», сейчас появляется что-то новое, интересное?

– Конечно. Во-первых, сейчас создаются образы новых святых. Это, конечно, не сложная композиция, но новая иконография. Нужно создать произведение, в том числе выверяя иконографию. Потому что XVIII век, XIX век с их невниманием к богословию иконы, к смыслам, – часто в отношении одежд и атрибутов, влияет на современное иконописание. Иконы могут быть в этом смысле не продуманные. Но, что касается сложных икон, здесь тоже есть интересные опыты, к примеру, Соборов новомучеников.

Категорически неудачной мне кажется, например, икона «Чернобыльский Спас». Мне не нравится ни одна из икон Богородицы «Воскрешающая Русь». Не нравится не только потому, что у нее – сомнительный источник. Само решение иконы вызывает вопросы.

На иконе изображена Богородица и множество храмов внизу. И совсем нет людей. Для чего эти храмы? Для кого эти храмы? Ведь главное-то – воскресение души человеческой. Так что в этом смысле – абсолютно неудачный образ.

– Многие иконографии еще не сложились, разные иконописцы предлагают свои варианты, например, образы членов Царской семьи, новомучеников.

– Действительно, в случае с Царской семьей не сложилось единой иконографии: иконописцы ищут – образы, композицию и так далее. Я не могу назвать икону, которая мне бы нравилась безо всяких «но».

Больше всего мне нравится отдельная икона страстотерпца Николая, выполненная Ларисой Узловой. По-настоящему убедительный образ.

При написании образов святых новомучеников есть несколько вопросов. Конечно, иконографические, в смысле атрибутики и одежды. А еще – похожесть лика. Без похожести лика икона не будет «работать», поскольку непохожесть (причем здесь же важно не только внешнее сходство, а и внутреннее) станет препятствием для соединения с первообразом. Человеку не легко молиться перед неудачным, непохожим образом.

Даже портрет может быть вроде бы похожим: и усы такие же, и борода такая же, и разрез глаз такой же, а образ – не схвачен. И у иконописцев это тем более важно, потому что там идет и трансформация изображения, более условный язык. Но в то же время важно схватить что-то почти неуловимое.

Иконы святителя Николая – очень разные, но мы всегда узнаем, что это святитель, даже без подписи. Совсем не потому, что глаза такие-то, нос такой-то, скулы такие-то. Много работает и от понимания личности святого, которое складывалось веками. В этом смысле задача удачно написать нового святого – сверхзадача.

Важно, чтобы икона была не просто правильной, а – прочувствованной. Хорошие, убедительные иконы новомучеников есть у Натальи Пироговой (Масюковой).

Очень хороший образ священномученика Василия Сыпановского, написанный Анатолием Алешиным – лучший образ этого святого.

– Насколько важно соблюдение стиля – можно ли, скажем, храм, построенный в псевдорусском стиле в начале XX века, расписывать в традициях XVIII века?

– Исторически никогда не было требований соответствия между архитектурным стилем храма и внутренним убранством.

В Церкви всегда создавали то, что казалось лучшим. И я считаю, что так и должно создаваться. Потому что музейный подход все-таки – не совсем живой. Наверное, в храме XIX века можно воссоздавать росписи в духе XIX века. Но надо ли это делать – для меня вопрос. Я не сторонник этого. Меня, допустим, нисколько не смущает иконостас Шехтеля в храме преподобного Пимена Великого, выполненный в псевдовизантийском ключе. Другое дело, что создаваемое новое произведение должно вписаться. Оно должно быть и по масштабам, и по художественному решению, по цветовому строю в переключке с внутренним убранством храма. Я не представляю, допустим, в храме, где внутри – ярко выраженный классицизм, росписи и иконы в стиле Андрея Рублева.

Я понимаю отца Александра Куликова, который в храме святителя Николая Чудотворца в Кленниках решил не воссоздавать бывших когда-то там росписей, убранства. Хотя материала там как раз очень много. Есть фото храма, и матушка Иулиания сделала серию акварелей интерьеров перед закрытием храма. И, тем не менее, росписи, иконостасы разрабатывались заново, но в то же время с сохранением тех традиций, которые были в храме до закрытия – там, где стояла Голгофа, там она и стоит, там, где находилась чтимая икона Божьей Матери «Федоровская», там она и находится.

Вот если бы мне сказали: «Выбирай, в каком храме служить», думаю, что от храма, где сохранился или воссоздан XVIII век, я бы отказался. Игривый, закрученный барочный стиль мне не помогает молиться. Мы иногда служили здесь, в лавре в Смоленском храме, и замечательно, что в церковь при восстановлении лавры перенесен иконостас XVIII века. Но в этом храме я никогда не могу найти икону, на которую могу молиться: настроение находящихся там икон другое.

Не случайно святые XVIII–XIX веков часто молились, потупив глаза. Потому что молиться на икону, больше напоминающую светскую картину, невозможно.

Кстати, как-то и в Храме Христа Спасителя (расписанном где-то хорошо, где-то слабее) я молился на литургии и в какой-то момент поймал себя на том, что вообще не знаю, куда деть глаза, потому что даже академические росписи не помогают молиться, отвлекают.

Это могут быть великолепно, замечательно выполненные иконы и росписи, которые приносят радость, но на этом все и заканчивается. Настоящая икона – это все-таки про другое. Про другой, про Горний мир.

– В других странах, в других Православных Церквях что происходит с иконописью?

– Нередко современная икона и у нас, и в других странах и художественно, и богословски примитивнее. Художественно примитивный – это совсем не синоним народному примитиву. Мне очень нравятся иконы Русского Севера, средневековая, достаточно примитивная какая-нибудь живопись, например, Испании. Там есть глубина настроения. Может быть и очень простая икона, но при этом там большая глубина, великолепный цветовой строй.

Мне нравятся отдельные современные греческие произведения. Допустим, на Афоне в притворе храма монастыря Симона Петра поработал отец Зинон, но и греки, расписывавшие трапезную, не слабее.

В Румынии есть очень интересные художники.

«Захожане» и храмы из бетона

– Сейчас храмы строят в основном из бетона. Считается, это тяжелый материал, не подходящий. И вообще современная архитектура храмов мешает грамотно выстроить концепцию росписей...

– Материалы меня меньше всего смущают. Другое дело, что бетон просто с экологической точки зрения мне не очень нравится. Но без бетона сейчас обойтись, наверное, почти невозможно.

Очень важно, чтобы в архитектуре было впечатление, что это храм – на века. Сейчас у нас иногда архитектура храма в духе современного строительства, которое предполагает разборку через несколько десятилетий. Такого впечатления в отношении храма не должно быть в принципе. Причем это совсем не исключает новых поисков, ведь храмы эпохи модерна – Щусева, Шехтеля, Покровского – порой очень смелые произведения, но они стоят в ряду вечной архитектуры. В отличие от некоторых современных храмов, которые построили лет на 100 максимум. А это даже на уровне подсознания важно. Человек приходит в храм, где вечные истины, где мы прославляем Вечного Бога и Вечный Бог заботится о нас...

– Богословие иконы понимают не все священники, что уж говорить о прихожанах, а тем более «захожанах». Они часто не могут «прочитать» икону даже на сюжетном уровне. Так очень ли важно в этом случае качество?

– Конечно, важно. В XX веке многие пришли в храм через икону. Западное христианство сейчас с интересом изучает свое средневековое искусство и средневековое искусство Византии и Руси.

Наша школа занимается освоением древнего опыта. Глубина православия и глубина культуры влияет на человека через икону на уровне сознания и подсознания, даже если он что-то не понимает.

Конечно, если храм расписывает человек не церковный, тут можно надеяться только на то, что Господь поправит, управит его рукой. Но я не раз сталкивался с тем, что хороший светский художник, хороший скульптор, когда берется за церковную тему, как будто теряет профессионализм.

Не всякого церковного человека нужно допускать до создания произведений в Церкви. Он должен быть еще и понимающим профессионалом. Бывает, что есть в храме хорошая икона или кусок росписи, а человек создает рядом откровенно слабое изображение, как будто он вообще ничего не видит.

– Вы какое-то время были внештатным членом художественного совета «Софрино». Об этом производстве принято говорить в негативном ключе, критикуя именно с художественной точки зрения. Что вы думаете?

– У «Софрино» есть и большие плюсы, и большие минусы. Минус связан как раз с тем, что это производство. Производство редко когда художественные принципы ставит во главу. И производство, и рынок влияют очень серьезно на сами произведения. И поменять что-то очень непросто, когда этого не требуют обстоятельства. У них есть новые наработки, но развить их – дело трудноосуществимое.

Если говорить о других иконописцах, «Софрино» им не мешает: иконописание сейчас там очень незначительно. Акцент – на машинные вещи, церковную утварь, облачения и так далее. И вот для тех, кто занимается, скажем, вышивкой, трудно – нелегко конкурировать с производством. Человек может взять только качеством, но не все понимают и могут оценить качество. Это проблема заказчика. Важно, повторю, чтобы какие-то эксперты были на местах.

– Что еще мешает современному храмовому искусству?

– Спешка. Когда цель – сделать все и подешевле, и побыстрее. Я не считаю, что не может быть некоего упрощения: машинной вышивки, помощи непрофессионалов в работе профессионалов, чтобы они помогали колотить смальту или даже фоны выкладывать под присмотром. Но все ключевые произведения должны быть на уровне.

Если в данный момент у храма нет средств, то лучше не торопиться и подождать с росписью, и если нет написанных икон, можно купить на время качественные репродукции. Вот, недавно в Париже освящали храм и там в иконостасе из-за нехватки времени поместили увеличенные фото эскизов мозаик.

– Может ли иконописец заниматься светской живописью?

– Если иконописец занимается традиционным иконописанием, то серьезное занятие светским искусством, думаю, для него не полезно. Это не значит, что нельзя написать когда-то пейзаж или портрет, чтобы отвлечься, отдохнуть. Я не считаю, что можно заниматься иконой, церковной росписью или мозаикой и в равной степени столь же серьезно светской живописью. Не знаю, как на светское искусство, а на церковное будет влиять отрицательно.

Архимандрит Лука (Головков): Не в каждом храме найдешь икону, на которую можно молиться

Автор: Admin

16.11.2017 18:55 - Обновлено 24.11.2017 10:56

P.S. С 25 октября по 24 ноября в Сергиево-Посадском музее-заповеднике проходит выставка-конкурс «Осенний салон – 2017», на котором представлены работы выпускников Иконописной школы и других художников Сергиево-Посадского района, работающих в области храмового искусства.

ОКСАНА ГОЛОВКО

<http://www.pravmir.ru>